

ТАТЬЯНА
БОГАТЫРЕВА

МАТИЛЬДА

Татьяна Богатырёва

Матильда

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Богатырёва Т. С.

Матильда / Т. С. Богатырёва — «АСТ», 2017

ISBN 978-5-17-983218-8

Семнадцатилетняя Матильда Кшесинская оканчивает Императорское театральное училище и мечтает стать славой и украшением отечественного балета. Вокруг нее друзья, любящая семья и поклонники, первая любовь... Но если ты преуспеваешь, за занавесом тебя ждут интриги и соперничество, властные мужчины готовы на что угодно, лишь бы заполучить молодую балерину, а твоя любовь заранее обречена – ведь Наследник никогда на тебе не женится. Этот роман – прекрасная история о становлении несменной королевы Императорского балета, от выпускницы училища Кшесинской-младшей – до светлейшей княгини Романовской-Красинской: первая любовь, первая трагедия, первый успех и мировое признание – все это начало жизни одной из самых неоднозначных фигур отечественной истории. Татьяна Богатырёва – прозаик и сценарист из Санкт-Петербурга. Работает в кино, является автором либретто и текстов песен к балетам на льду, в том числе к историческому мюзиклу «Принцесса Анастасия» Ледового театра Елены Бережной. Автор сборника повестей «Марианская впадина», издательство «Специальная литература» (шорт-лист премии «Нос»), книги «День матери», издательство «Росмэн» (шорт-лист премии «Новая детская книга»), повести «Загадай желание вчера», издательство «Росмэн» и т. д. Лауреат ряда кино- и литературных премий.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-983218-8

© Богатырёва Т. С., 2017

© АСТ, 2017

Содержание

Глава 1. Маленький отрезок ткани	7
Глава 2. Два сбывшихся пророчества и один украденный поцелуй	10
Глава 3. Украшение и слава русского балета	14
Глава 4. Первое счастливое лето	17
Глава 5. Долгая зима	21
Глава 6. На расстоянии вытянутой руки	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Татьяна Богатырева

Матильда

© Богатырева Татьяна, текст

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Глава 1. Маленький отрезок ткани

Тогда она мало еще знала о кошмарах. Она видела дурные сны не чаще любой другой юной девушки. Несложно представить мотивы этих снов и робость, и стеснение, которые можно подавить в себе при свете дня, и страх не справиться с поставленной задачей, и страх быть отвергнутой.

Выйти на сцену и вдруг осознать, что на тебе нет одежды – что может быть банальнее? Она улыбнулась своим мыслям.

Танцевать было для нее так же естественно, как иному человеку употреблять пищу, отводить несколько часов в день на сон, пробуждаться утром, выходить по делам на улицу, возвращаться домой. Сколько она себя помнила – она занималась танцами. Танец был семейным делом – танцевала мама, танцевал отец, учились танцу и танцевали брат и любимая старшая сестра.

Не то, чтобы у нее не было *выбора*. Ей просто никогда не приходило в голову посвятить свою жизнь чему-то *иному*.

Она не любила танцевать, она любила жизнь, и любила жить. А поскольку балет занимал большую часть ее жизни, был ее способом существования и ее способом взаимодействия с миром, Она любила балет так же, как любила жизнь. Страстно, самоотверженно и с той полной отдачей, в корне которой и крылись причины ее удивительной маниакальной выносливости и трудоспособности.

Она продолжала глубоко и ровно дышать. Следующий номер – это уже *ее* выход. Сотни пар глаз будут следить за каждым ее движением, каждым жестом, холодный и безжалостный свет софитов многократно увеличит любую неточность, и эти глаза в полутьме огромного, знакомого с самого детства зала, эти взгляды – хирургически цепкие, да что там глаза – ведь зрители смотрят балет не только глазами – они приходят сюда, чтобы чувствовать. Они сразу почувствуют даже тень неуверенности.

«Это моя власть, моя власть над ними: что они будут чувствовать, решать буду я, на сцене... Сейчас».

– Маля! Дорогая!

Леньяни стояла вплотную, врываясь в ход мыслей, привнося за собою едва уловимый запах пота и искреннюю, логически обоснованную ненависть. Неумело скрываемая, еле сдерживаемая ненависть, насильственно обращаемая в дружелюбие и открытость, отчего выливающаяся в весьма гротескное зрелище.

«Ты стараешься успокоиться, настроиться, держаться, поймать и прочувствовать нужное для номера состояние, – досадливо думала Матильда, – и вездесущая Пьерина Леньяни тут как тут, только бы сбить, только бы хоть немного, но затруднить движение конкурентки».

– Белиссимо! – продолжала Леньяни, без стеснения повисая у нее на шее. Разница в росте и в весовой категории делала ее жест еще более комичным. Захотелось поморщиться.

– Наследник здесь, – заговорчески, слащаво, как близкой подруге. Усыпить бдительность и снова нанести удар – изподтишка, не давая возможности опомниться.

– Зачем вы мне это говорите?

– Ну как же... Наследник...

– Да. И что?

«Даже если я буду падать, я сокру себе: я буду лгать, что не падаю. И тогда я не упаду...» – гнев Матильды выдавало только чуть замедленное дыхание – сдерживаемое, глубокое, оно указывало на то усилие, которое приходилось прилагать, чтобы оставаться – хотя бы видимо – спокойной.

На самом деле ей хотелось отшатнуться от Леньяни, а еще лучше – протянуть подрагивающую руку и оттолкнуть ее, слишком близко стоящую, врывающуюся в личное пространство, в поиски правильного внутреннего настроя перед выступлением.

Пьерина, словно прочитав ее мысли, отстранилась сама, мягко и тягуче, продолжая приобнимать ее за плечи, проводила к самому выходу на сцену.

Она вздрогнула: на мгновение ей показалось, что с горячей кожей соприкасается холодный металл. Не иначе, как Пьерина не нашла ничего лучше, чем заколоть ее перед выходом на сцену – лишь бы она не исполнила свой номер...

«Все не важно, я не дам тебе меня сбить. Все не важно, все, я иду...»

И она шагнула на сцену, растворившись в музыке, став частичкой чего-то большого, яркого и невыразимого – того, что из года в год, из столетия в столетие пытаются выразить, высказать и поймать шокированные красотой люди: композиторы и поэты, художники, танцоры и музыканты.

«Лети!» – призывала музыка, и она делала взмах, плавный, невесомый, и взлетала. «Легче, легче, легко...» – и все становилось тонким, сияние заполняло сцену и ее, двигающуюся с хрупкой грацией неземного существа.

Мягкое сияние проникало в зал, окутывало зрителей, здесь, сейчас, они ощущали и видели только радость, только свет, переживая восторг единения с чем-то большим, с чем-то великим...

Временами жизнь в нескончаемом круговороте мелких обыденных дел и событий представляет собой бег по кругу. Мир в такие моменты кажется маленьким и простым, скучным и замкнутым. Домашние дела сменяются походами на службу, прерываются наступающими время от времени выходными, и однообразие течет медлительною рекою.

Матильда была лишена подобных чувств и соображений, в той или иной форме знакомых практически каждому: с самого раннего детства сцена и возможность на этой сцене присутствовать огораживали ее от скуки бытовой жизни. Чудеса, происходящие в спектакле, случались будто бы и с нею самой – и она могла летать, могла умирать, чтобы потом воскреснуть, могла совершать немыслимые подвиги и поступки, идти на преступления и убийства. Жизнь, заполненная танцем, становилась такой же захватывающей и зрелищной, как и спектакль. Она забывала о своей принадлежности к определенному времени и месту в пространстве, теряла чувство реальности происходящего и... Разрезанная Пьериной тонкая лямка соскользнула с плеча, обнажая маленькую, упругую грудь. Лиф упал.

Зал ахнул, а время для Матильды потекло медленно: так, что между ударами сердца в голове успевало промелькнуть сразу несколько мыслей.

Удар сердца. Иван Карлович в истерике что-то кричит за сценой. Дирижер, позабыв про оркестр, оборачивается к ней, силясь разглядеть ее лицо. *Удар сердца.* Дамы смущенно отворачиваются, прячут глаза. Мужчины напрягаются в своих креслах. Наследник привстает в своей ложе. *Удар сердца.* Тело не слушается, не хочет двигаться, не хочет быть здесь и сейчас. Так сбывается кошмарный сон, банальный, пошлый в своей предсказуемости – ты на сцене, на тебе нет одежды, и все молчат...

И это самое обидное в подобных снах ты прекрасно отдаешь себе отчет в том, что спишь, но ни проснуться, ни что-либо во сне изменить ты при этом не в силах. Ты будто бы в сознании, но твои действия не совсем тебе подвластны. Ты стоишь на сцене без одежды, и все твоё сознание кричит о том, что нужно как можно быстрее сойти со сцены, сокрыться от удивленно распахнутых глаз, прикованных к твоему телу взглядов – и не можешь сделать шаг.

«Ладно, то – сон, – приказала себе Матильда, – теперь же *это* происходит на самом деле. Если я не могу управлять снами, то уж реальная жизнь остается точно мне подвластной... Только от меня зависит то, как я поведу себя в эту минуту... Только от меня. И я в силах не допустить... в силах прекратить... Хватит!»

Губы Матильды растянулись в улыбке. Эта улыбка, сдержанная, напряженная, была ничем иным, как примером великой воли самого разумного из живущих на Земле существ – воли человека. Вслед за улыбкой пошло трещинами и распалось, как кокон, сковывающий тело, жаркое оцепенение стыда. Матильда продолжила танец. Теперь в композиции не было ни тени прежней легкости, хотя музыка оставалась неизменной, остались лишь отточенные движения, и та же грация, и тот же ритм. И желание – нерушимое желание выжить, выполнить, дойти, желание жить. Именно это желание заставляло мужчин заливаться румянцем, это обнаженное, волевое желание жизни, а не обнаженная грудь младшей, пока еще «второй-Кшесинской».

Зал взорвался, обезумев от восхищения и восторга. Матильда стояла, поддерживая лиф руками, улыбаясь и глядя прямо перед собой. Она не повернула головы в сторону царской ложи, где все еще продолжая стоять, громко хлопал Наследник. Его аплодисменты тонули в общем море восторга и любви, обрушившегося на сцену из зала. Матильде не нужно было поворачивать голову – она точно знала о том, что происходит сейчас в царской ложе.

Глава 2. Два сбывшихся пророчества и один украденный поцелуй

– А сейчас лучшие офицеры нашего полка пройдут небывалое испытание! Тот, кто с риском для жизни добудет корону и доставит ее нашим прекрасным дамам, получит в награду поцелуй своей избранницы!

С этими словами стоящий на подиуме князь Владимир принял факел из рук подошедшего казака, ознаменовав тем самым начало состязания. Великий князь окинул благосклонным взглядом свою фаворитку – Пьерину.

Матильде хотелось расхохотаться. Интересно, как далеко можно зайти, имея такого покровителя – могла бы Леньяни действительно просто ее прирезать? Вопрос конкуренции тогда уж точно был бы решен.

Она понимала, что чувства, которые она испытывает к Пьерине, объясняются сложившимся между ними произвольным соперничеством. Ну и еще тем, что они по-разному смотрят на вопрос того, что допустимо, а что недопустимо ради карьеры. Какое поведение приемливо, а какое – нет. Матильда не знала Пьерину близко, не знала, какой она человек, и могла судить о ее характере и взглядах на мир только исходя из поведения, которое наблюдала. Леньяни – единственная артистка в России, которой удавалось крутить тридцать два фуэте, но этот факт вызывал у Матильды скорее внутреннее уважение, чем зависть. За это Пьерине было можно многое простить, и на многое закрыть глаза.

Она посмотрела на Наследника. Он следил за происходящим на ипподроме в бинокль. Рядом с огромным букетом цветов стоял князь Андрей и силился что-то Николаю не то толковать, не то разъяснить.

– Малечка, этот красавчик с букетом – это князь Андрей, сын князя Владимира. Он тебя выбрал, эти цветы наверняка тебе. Ты ему улыбнись.

Вездесущая Пьерина, видимо, перехватила ее взгляд. Матильда демонстративно отвернулась.

– Душка, ну что ты! Не будь букой. Князь Андрей – не то, что его папаша, – зашептала Пьерина недовольным голосом. Тут же выпрямившись и немного отстранившись от Матильды, она одарила князя Владимира лучезарной улыбкой.

– Чего кривится? И то тебе не так, и это... И танец маленьких лебедей в исполнении господ гусар тебе не понравился. Да что не так с тобой, Маля?

– Пьерина, ты понимаешь разницу между балетом и публичным домом?

– Дура, – начала было Леньяни, но тут раздался колокол, и слова так и не сорвались с губ Пьерины.

Матильда еще раз обернулась на Наследника, затем сосредоточила свое внимание на дальнем конце полосы препятствий, где пятеро участников состязания в защитных костюмах и шлемах рванулись вперед. Она узнала среди них Воронцова. Почувствовав взгляд Матильды, он обернулся, глаза его лихорадочно заблестели, и в следующее мгновение он ринулся вперед с двойным усердием. Он первым преодолел двадцатифутовую стену, первым перепрыгнул через ров. Все было ему нипочем, лишь бы на него продолжала смотреть его Матильда. Она же в это время отвернулась и снова взглянула на Наследника. Он продолжал о чем-то беседовать с князем Андреем, не обращая толком внимания на развернувшуюся на ипподроме «битву».

«Это вот как интересно люди друг друга находят, – размышляла Матильда, – становятся парой? Ты живешь себе, живешь, а потом встречаешь человека, которому вдруг ни с того ни с сего доверяешь настолько, что готов разделить с ним все, что у тебя есть? Жить в одном доме, отдать свое личное пространство, свое время. Свою жизнь... Как проверить, можно ли ему

доверять? Не предаст ли тебя он, не обманет ли? Или это как-то само чувствуется? Как мама, став вдовой, смогла встретить Феликса Ивановича, Малиного отца? Это было predetermined, что она его встретит, или это была случайность?»

Матильде нравились окружающие ее молодые люди. Но чтобы вот взять, и, скажем, стать женой того симпатичного молодого педагога из училища – такое не уместится в голове. Когда она рассуждала о своей будущей жизни, на месте ее воображаемого мужа ей представлялся некто абстрактный, красивый и всемогущий. Представить этого незнакомца детально и целиком она не могла.

* * *

Она не видела исход состязания – он стал неважен, ведь Наследник пожелал видеть Кшесинскую в своей палатке.

Матильда шла, держа голову прямо, понимая, что их провожают взглядами и ропотом, что сейчас она подтверждает все унижительные слухи, разносящиеся под высокими сводами театра, преследующие в залах для репетиций, бегущие вперед нее самой. Если раньше эти слухи были беспочвенны, то теперь – что ж, балерины те же проститутки для благородных мужей. Но самое страшное, самое обидное – совсем не это. Важен только он. Важно только то, что чтобы она ни делала, какие бы усилия ни приложила – для него это все действительно так. Это было безумно обидно. Потому что на самом деле все было совсем иначе, и безудержная горячая обида обжигала щеки именно потому, что это было так далеко от правды. Не просто далеко – прямо противоположно ей. Несправедливо, да, – но это еще полбеды. Получается, что Матильда была совершенно бессильна перед этой несправедливостью – вот что самое страшное. Ну не будешь же ты возмущенно махать руками с криками «Я не такая! Все совсем наоборот!» – смешно же...

С прямой спиной она присела на край кровати в белой царской палатке. Николай сел рядом с ней, и повисла неловкая пауза. Матильда почувствовала себя несчастной – казалось бы, все ее мечты сбылись, и это не сон, она с ним, наедине, – но вместо радостной эйфории она чувствовала горечь, как будто на Рождество вместо подарков тебе подсунили гадость, смеясь над твоей растерянностью от неожиданного обмана. А ты такой маленький, такой беззащитный перед этим большим миром потешающихся над тобой взрослых, и никого больше нет. Снаружи полк жил своей жизнью, продолжалось празднество, и, судя по крикам, состязание закончилось, и кто-то победил. А человек, которого она полюбила, сидит рядом с ней как деревянный истуканчик, и нет в нем сейчас ни гипнотического величия, ни уверенности, ни правоты.

Раньше, когда она видела Наследника издали, он был будто бы окутан ореолом такого великолепия, такого сияющего величия, что казался даже не совсем человеком. А более всего был похож на тот абстрактный собирательный образ, который представляла себе Матильда, мечтая в детстве о своем будущем муже. Не просто рядовой человек, а человек, чья жизнь наделена смыслом, силой и приходящей вслед за этим смыслом ответственностью.

Одно дело, когда человек кажется невозможно, нереально красивым лично тебе. Но совсем другое – когда и все окружающие придерживаются такого же мнения. Это всеобщее обожание и вправду способно материализоваться в воздухе, придавая человеку нечто схожее с сиянием... Вот Наследник вошел, скажем, в и без того сияющую залу – и все осветилось...

И все это великолепие решительно шло вразрез с тем, что происходило с Матильдой здесь и сейчас, в палатке.

Николай нерешительно придвинулся к ней и негнущимися пальцами принялся растегивать верхнюю пуговицу ее платья. Матильда не шевелилась и старалась замедлить биение своего сердца, хотя, конечно, с точки зрения разума, это было бы и невозможно, но, по крайней мере, замедли она свой пульс – он бы не выдал ее неуверенности. Покончив с первой

пуговицей, Николай было скользнул пальцами ко второй, но застыл в нерешительности, потом вздрогнул и неловко приподнялся, отвернувшись. Затем, чтобы взять с кровати приготовленную заранее коробку, избегая смотреть Матильде в глаза, он долго возился с упаковкой, и, наконец, извлек оттуда кольцо, щедро инкрустированное драгоценными камнями.

– Этим подарком я хочу выразить мое к вам уважение, – сообщил он.

Стало еще хуже. Он надеялся, что этот жест разрядит обстановку, сгладит вопиющую простоту ситуации, в которой они оказались. А прозвучало все это в итоге так, будто он дает ей аванс в качестве оплаты.

– Да, я вижу, Ваше Высочество, – ровным голосом проговорила Матильда.

Колье лежало на его сложенных лодочкой ладонях, свернувшись сверкающей змейкой. Николай медлил, будто демонстрируя Матильде качество подарка, затем так же заторможенно поднес драгоценность к ее шее и принялся застегивать замочек.

Матильда вдруг увидела их со стороны – неловких, не разбирающихся в этой жизни решительно ни в чем, не знающих, с чего начать. Вопреки слухам, она никогда еще не была близка с мужчиной. Наследник старался держаться уверенно и гордо. Выходило не очень. Эта общая ребячливая неопытность вдруг сблизила их в глазах Матильды, они оба оказались на одной стороне. Ей стало легче, она улыбнулась.

Лицо Наследника было совсем близко. Она могла бы протянуть руку и дотронуться до его щеки.

– Надеюсь, вы осознаете, что наши с вами отношения не выйдут за пределы этой встречи, и э-э-э... вы не будете искать или ожидать всякого рода продолжений, – произнес Николай.

Так все рухнуло. И даже во время объятия лямка твоего костюма может быть обрезана. Никакой справедливости. Получалось, что Николай сейчас был многим сильнее ее – во всех смыслах, а она перед ним – уязвленная, незащищенная и совершенно обнаженная. В первую очередь с моральной стороны. Ты показываешь то, что бережно хранишь от посторонних глаз у себя под сердцем, внутри – и тут протягиваешь на раскрытых ладонях. Это требует немалых сил, открыться человеку – и не просто открыться, указать на свои чувства к нему, признаться. Оголиться перед ним. Само это действие забирает столько сил, что вопрос о том, какую реакцию ты получишь в ответ на это оголение даже не приходит тебе в голову. Добром на добро, честность на честность – это же так просто, и разве может быть иначе?

Матильде хотелось исчезнуть.

– И в таком случае я обещаю позаботиться о вашей участи на сцене, – закончил Николай, сам уже понимающий, что произнесенные вот так, здесь и сейчас, в теории правильные, казалось бы, слова прозвучали ужасно.

Он старался не смотреть Матильде в глаза и потому не видел, как лицо ее застыло в том самом решительном проявлении воли, которая так запомнилась ему во время того злополучного представления – и не видел, как потемнели, почти сливаясь со зрачками, ее глаза.

Матильда засмеялась естественным, веселым смехом, и одним легким и плавным движением переместилась к нему на колени. Ее руки легли на плечи Наследника. Ему на миг показалось, будто бы ничего в мире не существует, кроме этой женщины – худенькой, с некрасивыми чертами лица и магнетической, нерушимой идеей оставаться несломленной никем и ничем.

Как будто это был кто-то другой, иной, вселившийся в тело Матильды, тот, кто сильнее, опытнее и старше. Кто дремал, мерцая иногда болотными огоньками в глубине глаз, а теперь пробудившийся и вырвавшийся наружу. Тот, с кем не хочется спорить, а есть лишь одно желание – следовать за ним, и ему преклоняться. И даже само время обжигалось о кожу этого существа, текло стороной. Все замерло, как будто перед взрывом.

– А теперь послушайте меня вы. Послушайте, как все будет. Это *вы* никогда не сможете забыть меня. Это вы будете всюду искать со мною встречи, будете мучиться, сходить с ума и

ревновать. Это вы – вы будете *любить* меня. Вы никогда не сможете любить никого так, как полюбите меня!

Она резко встала, сорвав с шеи украшение. Николай продолжал лежать на спине, глядя на нее с детской растерянностью.

– Вы не помните. Это ведь даже не первая наша с вами встреча, – произнесла она, быстро застегивая пуговицы на платье.

И прежде, чем Николай успел что-либо ей сказать, как маленькая юркая тень она выскользнула из палатки.

Спустя мгновение Матильда вбежала в палатку снова.

– Помогите! – крикнула она совершенно другим голосом. Сейчас она была более похожа на испуганную девочку, нежели на то языческое божество, что пророчило ему муки горькой любви мгновения назад.

Следом за ней в палатку ворвался всклокоченный Воронцов, с горящими щеками и совершенно безумным взглядом. И почему-то в обгоревшей одежде.

– А, вот как! – вскричал он, увидев Николая. Казалось бы, пока он не столкнулся с Наследником лицом к лицу, он даже не понимал, где именно он находится и чья вообще это палатка. Он кинулся на Николая, сжимая в руке свой приз – импровизированную корону – так, что она треснула.

– Я убью тебя! Ты украл мой поцелуй! Убью! – кричал он, пока его в три пары рук скручивали поспешившие сразу с нескольких сторон казаки.

Дальше было много шума, криков и возни. Николая тормозили, кто-то уже кричал о покушении, рядом оказались великие князья Андрей и Владимир, Матильда исчезла из его поля зрения. Он приложил немало усилий, чтобы снова найти ее глазами.

Матильда уже взяла себя в руки. Ее взгляд был серьезен и не читаем.

А Николай неустанно прокручивал в голове фразу, брошенную во влюбленном доверительном порыве совсем еще юным, ослепленным своею страстью великим князем Андреем Романовым: фразу-приговор, фразу-пророчество, а пророчеств – сбывшихся пророчеств, суждено будет услышать будущему Императору немало, но именно эту фразу запомнит он на всю свою оставшуюся жизнь.

«Если тебя полюбит такая женщина, ты станешь настоящим. Таким, каким тебя задумал Бог».

Глава 3. Украшение и слава русского балета

– Ты очень волнуешься? – спросила Юля, глядя на то, как сестра выполняет утренний туалет.

Матильда обернулась.

– Была одна Кшесинская, станут две: Кшесинская-первая и Кшесинская-вторая. И обе балерины, представляешь?

И засмеялась.

Густые и жесткие темные волосы, бледное серьезное лицо, тонкие решительные губы – все это отходило при взгляде на Матильду на второй план. И первое, что замечали в ней люди – совершенно невозможные глаза. Такие глаза казалось бы не шли ни ее лицу, ни ее юному возрасту. Они были тяжелыми, темными – как будто зрачок сливается с радужной оболочкой – и такими серьезными, какие бывают у людей, повидавших больше, чем могло уместиться в одну человеческую жизнь. В них не было милосердия, не было ни намека на способность такого человека к покорности и служению, но неутолимая жажда жизни, потребности быть живым и двигаться вперед, читалась в этих глазах с первого взгляда. Эти глаза смотрели на мир, не мигая, оставаясь широко распахнутыми в любой ситуации. А взгляд, который казался оценивающим и цепким, был, на самом деле, скорее внимательным и пытливым, будто обладательнице этих глаз жизненно необходимо было проникнуть в самую суть каждого предмета, попадающего в поле ее зрения.

Юля была выше Матильды, статная и грациозная, она выгодно выделялась на фоне младшей сестры. Но та любовь, которую она испытывала к Матильде, сполна украшала обеих – они были не просто сестрами, но близкими, лучшими подругами, и это сразу бросалось в глаза.

Матильда была очень миниатюрной – из-за ее роста даже не самый высокий и статный мужчина рядом с нею чувствовал себя греческим воином. Мужчинам льстили и ее рост, и ее взгляд – живой интерес ее глаз зачастую наиболее недальновидные мужчины принимали сугубо на свой счет.

Сейчас же за внешней уверенностью крылось неподдельное, безудержное волнение. Но сестра, пусть и старшая, не должна была, по мнению Матильды, переживать еще и об этом. На самом деле Матильда волновалась так, что последнее время уже только и думала о том, как скорее бы это все пережить. Выпускной экзамен в данный момент был итогом всей ее жизни, демонстрацией всего того, чему она смогла научиться, мерой измерения ее таланта и во многом – даже на самом деле в общем-то во всем – именно от этого выступления зависела вся ее дальнейшая карьера и судьба.

Ей предстояло танцевать в присутствии всей царской семьи, и, по слухам, такое было впервые в училище.

Юлия провела кончиками пальцев по выпускному костюму Матильды – нежно-голубая ткань, букетики ландышей.

– Мы все за тебя. Представляешь, столько людей будут одновременно желать тебе, чтобы все прошло хорошо? Это что-то да значит.

– Конечно, – рассеянно кивнула Матильда. Последние несколько дней до «часа икс» она вовсе не могла спать, стараясь при этом как можно тщательнее скрывать это от родных. В их большой шумной семье утаить что-либо было невозможно, но попробовать стоило.

Накануне ночью Матильду снова начали одолевать мучительные сомнения, тот ли танец она выбрала. Подходит ли он ей настолько, чтобы представить ее в правильном свете, сможет ли она произвести хорошее впечатление.

Право самостоятельно выбирать себе танец предоставлялось не всем, а только первым ученицам, и Матильда, балетом не занимавшаяся, а балетом живущая, была в их числе. Танец

она выбрала исключительно потому, что именно это па-де-де не так давно было с блеском исполнено Вирджинией Цукки – абсолютным кумиром и эталоном танцевального мастерства для Матильды. Эта выдающаяся, немолодая уже балерина, перевернула весь, казалось бы, устоявшийся к моменту выпуска мир Матильды. Глядя на Эсмеральду в исполнении Цукки, Матильда с присущим каждому только начинающему познавать мир на собственном опыте человеку, сделала для себя поразительное открытие, столь ее тогда шокировавшее, что она не сразу нашла нужные слова, чтобы озвучить и объяснить его родным.

– Техника, будь она сколь угодно виртуозна, не должна быть целью. Техника – это средство, понимаете? – взволнованно говорила она дома.

Пояснить свою мысль она тогда еще не смогла.

Танец, который Матильда выбрала для своего экзамена, был исполнен Цукки в паре с Павлом Гердтом с огромным успехом. Выразительный, немного кокетливый и даже лукавый, полный при этом неподдельной чувственности и страсти танец, исполненный под музыкальную тему из итальянской песни «Стелла конфидента» был встречен публикой с бурным восторгом. Во время овации Вирджиния Цукки поцеловала Павла прямо на сцене, и этот небывалый случай был освящен во всех многочисленных рецензиях. Для Матильды же порыв Цукки явился подлинным проявлением той силы и смелости, к которой отчаянно и неуклонно стремилась она сама.

А теперь, накануне экзамена, она сомневалась абсолютно во всем. Что, если все пройдет не так хорошо, как должно? Что, если окажется, что балет – это не ее? Что, как бы она ни работала и как бы ни стремилась – ей не достигнуть того уровня мастерства, который был бы для нее самой приемлемым? «Хорошее должно быть лучшим», – говорил отец, и Матильда была с ним согласна.

* * *

Когда занавес, наконец, опустился, маленький зал училища все еще содрогался от аплодисментов.

Матильда отпустила руку своего партнера – Рахманова и произнесла, ни к кому определенному не обращаясь: «Жаль, что хлопают всем одинаково. Видимо, чтобы никого не обидеть. Так и не определишь, кто справился лучше».

Классная дама шикнула на нее. Всех выпускников прямо в костюмах, не дав возможности переодеться, вместе с учителями и начальством собрали в репетиционном зале, который соединялся со школьным театром длинным широким коридором.

Именно по этому коридору вот-вот должны были медленно пройти Император с супругой и сыном, четыре брата Государя с женами и множество Великих Князей с супругами и детьми.

Так Матильда увидела Наследника впервые.

Потом она рассказывала, как Государь, войдя в зал, сразу, когда к нему только еще собирались подвести лучших воспитанниц школы, произнес громко и требовательно: «А где же Кшесинская?» И как засуетились классные дамы, отыскивая ее, скромно стоящую в углу.

Так она меняла свою реальность по собственному усмотрению: большая ли разница – самостоятельно ли выделил ее Император, или она с товарками первыми решилась набраться смелости и пригласить Государя за свой стол?

«Я была ошеломлена такой неожиданной честью», – так говорила Матильда сначала, описывая их встречу родным. Спустя какое-то время, этот миг в ее сознании обрастал все большими и большими подробностями, в которые она сама совершенно искренне начинала верить.

«Я влюбилась в Наследника с первого взгляда», – горячо утверждала она по прошествии времени. И так искренне верила своим же словам, что у нее даже не возникало мысли о том, что это могло быть не так.

Спустя еще какое-то время она уже верила, что Государь лично протянул ей руку со словами: «Будьте украшением и славой нашего балета!»

Будьте украшением и славой нашего балета. Было ли это сказано Императором Александром, выдумала ли это сама Матильда – так или иначе, на том выпускном экзамене она обрела много больше, нежели образование и переход во взрослую жизнь: теперь у нее была четкая задача. Миссия.

В тот день Наследник запомнился ей мягким, нерешительным на фоне своего великого отца. Сидя за общим столом рядом с ним, она успела заметить, что глаза у него голубые, а взгляд она охарактеризовала как внимательный и добрый. Когда Николай, участвуя в общем разговоре, обращался не к ней, она могла его изучать и разглядывать.

Было очень странно видеть, что он может быть занят такими *обычными* делами. Не скакать на своем прекрасном белом жеребце впереди огромной непобедимой армии, не восседать на почетном месте во время великолепного парада, не принимать участие в тайном военном совете. А просто молча сидеть за столом, ласково и чуть робко улыбаясь, или живо жестикулировать, отвечать веселым тихим смехом на шутки артисток. От того, что Наследник оказался живым человеком, из плоти и крови, Матильда неожиданно для самой себя смогла представить, что к нему можно прикоснуться. Посмотреть в глаза, сказать что-нибудь смешное, отчего уголки его губ изогнулись бы в ласковой улыбке...

В ту ночь она снова не смогла сомкнуть глаз – теперь уже от не уместящихся в ней чувств и эмоций. Первые дни после выпуска Матильде казалось, что когда она идет по улице, все встречные оборачиваются на нее, глядя с гордостью, а то и с завистью из-за ее первого профессионального триумфа. Ей тогда еще думалось, что личная победа человека автоматически является знаменательным событием для окружающего мира. Поделиться счастьем ничего не стоит, когда у тебя его в избытке.

Родители были счастливы и горды, и братья, и сестры, и друзья семьи – горды и радостны тоже.

Через пару дней после выпуска она бесцельно гуляла по центру города с Юлей. До традиционного летнего переезда в имении оставались еще дни – свободные, весенние, полные радостного предвкушения долгожданного короткого петербургского лета.

Матильде казалось, что люди смотрят на нее со значением. Юля предпочитала не спорить. Дойдя до высокой арки, ведущей на Дворцовую площадь, они увидели проезжающего вдалеке Николая.

Матильда посчитала, что Наследник чуть не вывернул шею, засмотревшись на нее. Ведь настоящая любовь уже по своему существу не может быть не взаимной – так думалось Матильде.

В другой раз она повстречала его, прогуливаясь одна. Наследник в компании своей сестры Ксении Александровны из сада любовался оживленной улицей – в ту пору Государь и вся его семья бытовали в великолепном Аничковом дворце.

Радость!

...Весна! В Петербурге весной так много солнца, даже природа благоволит дню рождения Николая. Ведь город увешан флагами в его честь.

Матильда украсила свою комнату открытками, лентами и маленькими флажками. Отец подтрунивал над ней – без пяти минут балерина, взрослая девочка, и на тебе такое ребячество. Она сделала вид, что не слышит, ее улыбка выдавала ее мысли.

А впереди было лето – беззаботное, манящее своими возможностями: первый во взрослой жизни Матильды красносельский сезон, участие в спектаклях во время лагерного сбора уже в составе труппы, новые встречи с Николаем.

Глава 4. Первое счастливое лето

Когда отец Матильды купил у одного генерала их семейное имение, он долго и упорно самостоятельно переделывал двухэтажный деревянный особняк на высоком берегу реки в соответствии со своим вкусом и нуждами своей семьи. Больше всего ему пришлось повозиться со столовой – кончилось все тем, что ее пришлось полностью снести и отстраивать заново, просторнее и много больше предыдущей. Неспешные, душевные застолья имели в семье Матильды почти сакральное значение, двери дома всегда были открыты для многочисленных гостей, а сама Маля была в семье младшим, тринадцатым ребенком. Когда вся компания собиралась во время ужина или обеда, застолье всякий раз выходило поистине эпичным. Каждое лето гости приезжали в дом Кшесинских постоянно, не только по выходным, но и в будние дни.

Можно сказать, что в семье Кшесинских фактически существовал культ еды. Матильда говорила об этом без стеснения: «Дома мы любим вкусно покушать». Помимо обильной традиционной русской кухни, на столе всегда была кухня европейская – отец-поляк обожал шведский пунш и борщ по-польски. Утренний кофе превращался в полноценный завтрак в силу присутствующих на нем многочисленных мясных и молочных продуктов, свежей домашней выпечки и варений.

Ужин длился несколько часов и заканчивался ранним отходом ко сну. Матильда навсегда запомнила случай, произошедший с нею осенью, в самом начале занятий за несколько лет до выпуска: строгий пожилой балетмейстер Лев Иванович сделал ей прилюдный выговор на первой же репетиции, вслух посетовав на то, как больно смотреть на столь многообещающую и талантливую, располневшую при этом ученицу. Самолюбие Матильды заставляло запоминать каждый неприятный момент ее жизни, ее воля и чувство такта диктовали ей притом никогда и ни при каких обстоятельствах не говорить дурного ни о ком, даже о себе.

Тем летом в имении она сказала себе: «Никаких печеньев и вареньев». На спектаклях в Красном Селе рано или поздно появится Наследник. Кухарка прибывала в шоке, пробовала доложить матери. Матильда отказалась комментировать самоличное урезание своего рациона.

Кушанья, по обычаю, не только круглосуточно готовились дома, но и закупались в лавках в соседних деревнях, и даже в городе. Отец привозил их завернутыми в пакеты в специальном кожаном мешке. По традиции, его было принято встречать с бурными восторгами, под не надоедающими из года в год мамиными шутивными комментариями о ее «дорогом добытчике и кормильце». Матильда сдержанно радовалась и ждала начала летнего сезона.

В силу того, что дом находился на возвышенности, со второго этажа дачи открывался великолепный вид на поля и близлежащий лес. Время от времени Матильда вглядывалась вдаль, надеясь, отдавая себе при этом отчет в том, что невозможно увидеть процессию с Наследником, спешащим из полка в город или наоборот. Если кто-то заставлял ее за этим вдумчивым занятием, Матильда изображала, что бесцельно любит видом или следит за отцовскими крестьянами.

Этим летом налюбимейшие с раннего детства занятия виделись Матильде совсем в ином свете – глупыми и детскими. Помимо новой столовой, отец соорудил и деревянную купальню. Купальня теперь не так привлекала Матильду – а сколько душных ночей, проведенных в городе, мечтала она об их семейных деревянных мостках!

Как это странно – то, что так занимало ее еще год назад, теперь казалось скучным и бессмысленным. Ей хотелось еще раз увидеть – хотя бы издали – Николая. Хотелось поговорить с ним, узнать его. Получалось, она будто бы скучала по незнакомому человеку, с которым провела так мало времени, что, по идее, и не должна бы испытывать тоску из-за разлуки с ним. Так не должно было быть, но так было!

Второе ее любимое занятие было святой для Матильды традицией – утренний сбор грибов в молчаливом одиночестве. Летом в имении ложились по-деревенски рано, и так же по-деревенски рано вставали. Матильда возвращалась на дачу к утреннему чаю. К этому лету она знала лес лучше, чем расположение классов в училище. Только собирательство неожиданно для нее самой перестало ее интересовать.

– Не в грибах, Юзя, счастье, – чопорно отвечала она на расспросы брата за завтраком с самым серьезным видом, когда с момента переезда из города минуло уже несколько выходных, а грибные корзинки Матильды все еще стояли на своем прежнем – с прошлого лета – месте. Ее мрачное расположение духа вызвало за столом очередной взрыв хохота.

– Вам смешно... – беззлобно вздохнула Матильда и подавила в себе желание обернуться – вдруг экипаж Наследника все же едет в город из полка? Ну и что, что отсюда его все равно не увидеть.

Но экипаж не ехал.

* * *

Первый спектакль в том красносельском сезоне – первый спектакль Матильды в официальном составе труппы – должен был состояться в день объезда лагеря Главнокомандующим. Матильда уже видела его в день выпускного – Великого Князя Владимира Александровича Романова, любимого брата Императора, будущего любовника Пьерины Леньяни.

В первом для нее сезоне ей еще не давали отдельных номеров, а ведь в общем танце шанс обратить на себя внимание Наследника был существенно ниже. К тому же, лучшие нижние уборные выделялись только уже состоявшимся артисткам с сольными выступлениями. Именно с первого этажа открывался вид на царский подъезд. Там можно было наблюдать за прибытием Великих Князей и Наследника из окон, можно было завязать беседу, засмеяться... Матильде выделили уборную на втором этаже с окнами на противоположную сторону.

Утешало только одно: спектакли должны были идти дважды в неделю. Николай, как выяснила Матильда, все лето должен был провести в полку и только осенью, по слухам, отправиться в кругосветное путешествие. По крайней мере, она сможет регулярно его видеть хотя бы издали.

«Ты все время будешь хотеть большего, – покачала головой Юля, когда она поделилась с сестрой своими соображениями, – такой уж у тебя характер».

Матильда горячо оспорила этот вывод, однако тем же вечером сделала пометку у себя в дневнике.

«Всегда хотеть большего. Человеку всегда будет мала любая отмеренная ему ниша. Я себя боюсь».

Еще Матильда выяснила, что обычно Государь и Великие Князья имеют привычку подниматься на сцену и беседовать с артистами во время антракта. Была надежда, что так будет и в это лето.

Николай присутствовал на первом же спектакле сезона, и на всех последующих. Глядя на то, как Николай подъезжает в своей тройке в сопровождении казака, Матильда почувствовала явную уверенность, что все будет хорошо, по крайней мере, у нее и, по крайней мере, этим летом. Она совершенно перестала бояться своего дебюта, и даже уборная на втором этаже с «плохими» окнами ее в тот момент уже не удручала.

Пьесы для выступления были подобраны исключительно веселые и легкие. Матильда танцевала польку, зажигательно, весело, отмечая, что Николай смотрит на сцену в бинокль, сидя рядом с Великим Князем Владимиром. Как же все-таки жаль, что у нее не было пока соль-

ного номера! Матильда видела себя со стороны – миниатюрную, легкую. Платье нежного абрикосового цвета очень ей шло, и она это знала. К середине лета она успела загореть, темные серьезные глаза ее сияли, щеки пылали, покрасневшись от танца. Видя, что Наследник наводит на нее бинокль, Матильда старалась смотреть на него в упор, мысленно повторяя про себя: «Посмотри на меня! Ты мне нравишься, заметь, что я есть».

Во время антракта Великие Князья действительно остались в зале, дабы поговорить с балеринами. Николай был среди них. Матильда продолжала смотреть на него, ее не покидало чувство, что он и рад бы заговорить с ней, но не решается. В конце концов, он отошел к князю Георгию Михайловичу, и едва она уже осмелилась двинуться следом, как к ней обратился Великий Князь Владимир Александрович, и пришлось начать разговор...

Как только занавес опустился, мнимое ощущения контакта с Николаем рассеялось. Настроение испортилось. Матильда поспешила в свою уборную выглянуть в окно. Может быть, еще раз увидеть Николая. Она могла его видеть, он ее – нет, если бы только нарочно не обернулся бы и не поднял головы к окнам второго этажа. Николай разговаривал с балеринами, потом уехал в своей тройке.

Она хотела ехать домой как можно быстрее, чтобы никто не заметил ее разочарования, но это было совершенно невозможно – ее тепло и горячо поздравляли с дебютом. Потом одна из артисток, Татьяна Николаева, отвела ее в сторону и сообщила, что очень хочет познакомить Матильду с господами гусарами – Евгением Волковым и его приятелем, Алешей Воронцовым, однополчанами Николая. Пока они вдвоем шли навстречу к ожидавшим их с цветами мужчинам, Татьяна успела рассказать ей, что неофициально живет с Волковым, а еще – что Николай говорил ему, а он, в свою очередь, поведал Татьяне, что Николаю очень нравится Матильда.

Ее слова не утешили Матильду. Ей стало обидно: нормальные люди живут со своими возлюбленными, а ей что, утешаться тем, что она *якобы* Николаю симпатична?

Воронцов смотрел на нее горящими глазами. Все, что она запомнила о нем – это взгляд человека сильного, но человека с неким надрывом, изломом, от которого рано или поздно пойдут трещины.

В имение она вернулась уставшая и опустошенная.

«Всегда хотеть большего... я себя боюсь».

* * *

В конце июля Матильда объявила домашним, что ей совершенно необходимо съездить в Петергоф между выступлениями. Провести день со своей новоявленной подругой Марусей Пуаре. Отец пожал плечами – смысла ехать в Петергоф за два дня до очередного выступления он не видел. Не лучше ли подождать, все равно ведь она окажется там на балете. С другой стороны, отказать любимой дочери он был не в силах, к тому же у Матильды, насколько он понимал, было не так уж много подруг. Ей вполне хватало общения с сестрой. «Пусть съездит», – решил он.

В глубине души Матильда стыдилась того, что обманывает родных, тем более по такой глупой причине – ради маловероятной, «случайной» встречи с Наследником. Это шло вразрез с теми установками, которых она обычно придерживалась. И в который уже раз со времени ее первой личной встречи с Николаем возникало очередное противоречие: то, как она старалась поступать, то как привыкла жить – теперь, получалось малоосуществимым или же неприемлимым.

Весь день в гостях у Маруси они, по настоянию Матильды, гуляли на свежем воздухе. Таким образом, она надеялась случайно столкнуться с Николаем. Но ее надежды не оправдались.

В конце лета, перед самым переездом в город, в имении широко и с размахом отметили день рождения Матильды. Посмотреть на праздничный фейерверк съехались не только гости и многочисленные друзья семьи, но и крестьяне из соседних деревень. Матильда, глубоко тронутая вниманием и заботой близких, оставалась серьезной. Ощущение праздника омрачало осознание того, что скоро Николай надолго уедет, и не сможет видеть ее на сцене: кругосветные путешествия не длятся неделю-другую.

Гуляние окончилось глубоко за полночь, и, когда отец, по своему обыкновению, задумчиво и ласково осматривал перед отходом ко сну, стоя на веранде, принадлежащие ему окрестности, именинница решила составить ему компанию и попросила рассказать ей любимую семейную легенду. Отец уверял, что это была правда. Прапрабабушка Матильды по папиной линии была-де княгиней Красинской, и она, Матильда-Мария, дочь Феликса Ивановича, урожденного Адама-Феликса Яновича Кшесинского-Нечуя, имела гипотетические права на польский престол.

Теперь эта семейная легенда приобрела для Матильды совсем другой смысл: призрачную надежду, чудо – шанс на то, что она могла бы быть достойной Николая, могла бы быть с ним рядом. Так в античных трагедиях являлся бог из машины, а потом можно было бы жить долго и счастливо, до ста лет, и никогда-никогда не умирать.

– Выше нос, Мария-Матильда, маленькая Кшесинская. Лето прошло, ничего не поделать. Впереди первый сезон на императорской сцене, – сказал отец.

Его сын и обе его дочери посвятили свои жизни балетной сцене. Как и он сам.

* * *

– Мария, звонят, – крикнула Матильда горничной из своей комнаты.

– Матильда Феликсовна, там гусар. Вы одевайтесь. Они к вам пришли.

Волков явился с поручением – передать госпоже Кшесинской-младшей фотокарточку Наследника, непременно забрав у нее при этом ее карточку тоже.

– Нет у меня карточки, – отрезала Матильда.

Фотографии у нее были, но выглядела она на них решительно не столь прелестно, чтобы вручать такое Николаю – так она полагала.

Вслух, конечно, она этого не произнесла. Она постаралась, по возможности, вообще не выдавать признаков охватившего ее волнения. Происходило что-то просто из ряда вон выходящее, совершенно при этом невероятное! Ведь наверняка... наверняка Наследник не страдает страстью к собиранию карточек решительно всех артисток!

– Для такого случая у меня также имеются инструкции, – не смущаясь и глядя Матильде в глаза, промолвил Волков, – мне велено привезти вашу карточку, а если таковой у вас не окажется, привезти, собственно, вас. Едемте.

– Куда?

– В Петергоф.

– Не могу ехать, – отрезала Матильда. И сама своим словам испугалась: надо было согласиться, они бы с Наследником, наконец, поговорили...

– Матильда Феликсовна, милая, ну поезжайте тогда в Петербург, – взмолился Волков.

– В Петербург? – не поняла Матильда.

– В Петербург. К фотографу Позетти. Наследник так и передал – Позетти лучший, если и делать фотографию, то только у него. И обязательно в одном из тех нарядов, в которых вы в Красном Селе выступали. Не могу я вернуться и без вас, и без вашей фотокарточки.

– Передайте Наследнику, что Кшесинская вам отказала. Не люблю я... фотографии.

Глава 5. Долгая зима

Из-за связи Евгения Волкова с Наследником Матильда незаметно сблизилась с Татьяной Николаевой. Новая жизнь, новые знакомства, первый сезон на сцене, впервые она скучала по кому-то, с кем даже не была толком знакома – странное чувство.

В сентябре начались репетиции. Более всего Матильде было интересно слушать о том, каково это – жить самостоятельной жизнью, без родителей. У Татьяны было что-то, чего не было у нее: свое жилье и свой возлюбленный. Таня старалась не хвастаться, Матильда – не завидовать. Зависть она считала одним из тех чувств, кои должны быть ниже достоинства нормального человека. Вот, скажем, великолепная Вирджиния Цукки – Матильда ей не завидовала, она перед ней *преклонялась*.

Жить одной! Самостоятельной, взрослой жизнью! И Матильда, и Юлия продолжали жить с родителями, которые очень неохотно отпускали их куда-нибудь из дома, да и то – только к близким и хорошо знакомым, и при этом еще и в сопровождении, а не одних. Сестры договорились бороться за свои права, но единственное, что они смогли отвоевать – это разрешение самостоятельно (только не поодиночке, а хотя бы вдвоем!) ходить к этим самым близким и хорошо знакомым, где молодым барышням точно будет безопасно.

Пришлось пойти на то, чтобы говорить отцу, что они идут в одно место, а идти в совершенно другое.

– Ложь – это ведь не цель, это всего лишь средство, – уверяла сестру Матильда.

У Матильды и Юли была «своя половина»: спальня на двоих и своя гостиная. Спальня соединялась с кабинетом отца дверью, к которой был приставлен туалетный столик.

В конце концов, это превращалось в целые спектакли. Пока было тепло, они еще ухитрялись как-то выкручиваться. С наступлением холодов приходилось принимать более изощренные меры: они тихо собирались, надевали вечерние туалеты, и тут же в комнате, переодевались пальто и уже в таком виде прощались с родителями. Возвратившись домой, они на цыпочках крались обратно и представляли перед отцом уже облаченные в ночные рубашки с пожеланиями спокойной ночи.

С одной стороны, все эти приключения придавали любому выходу на прогулку особенное веселье и интересность, с другой – слушая рассказы Татьяны о ее быте с Волковым, Матильда понимала, что ее выходы с переодеванием – это какое-то ребячество.

Получалось, пока другие артистки, ее ровесницы, встречали обычных молодых людей, проводили с ними время, обустривали свою жизнь – Матильда будто бы была влюблена даже не в человека, а какую-то идею о человеке: далекую и прекрасную, но совершенно недостижимую.

– А Наследник ни с кем еще не жил, – поделилась как-то Татьяна после одной из репетиций, – он вот тоже, Евгению немного в этом смысле... завидует. Евгений говорит, он страшно рад, что на него обратила девушка внимание, да при том артистка. Он бы все хотел как-то с тобой познакомиться, повидаться, да только кто же вам решится устроить свидание!

Приближался день отъезда Николая из Петербурга, вместе с ним – начало его кругосветного путешествия. Со своим очередным родственником – Великим Князем Григорием Александровичем, которого Матильда уже имела удовольствие лицезреть – именно к нему жался Николай тогда, в тот первый день сезонов в Красном Селе вместо того, чтобы разговаривать с артистками. Из Петербурга они должны были отправиться в Афины, а затем, осмотрев город, уже в компании греческого королевича Георгия, на крейсере «Память Азова» продолжить свое увлекательное приключение морем.

Египет, Индия, Цейлон, Япония! Против сбора грибов в имении Красицы.

Грустить было некогда: ей пока еще не давали отдельных номеров, но Матильда уже получала ответственные роли. В «Спящей красавице» она танцевала сразу две роли в первом и втором актах, в первом – прекрасную фею Кандид, во втором – Красную Шапочку, там у нее был парный танец с Волком.

Помимо выступлений и репетиций, Матильда упорно двигалась к своей цели стать лучшей. Влюбленная в итальянскую балетную школу, кроме занятий в классе Христиана Иогансана, она стала брать дополнительные уроки у виртуоза Энрико Чикетти.

Время от времени они гуляли с Таней и Волковым, чаще всего к ним присоединялась Юля, иногда – Воронцов, молчаливый и жгучий, как обида.

Он как-то незаметно затесался в их компанию, и Матильда сначала совсем не обратила внимания на его появление, не придавая значения: вроде бы он друг Волкова, Волков живет с Таней, что же тут такого. Озарение пришло к ней в один из вечеров, когда Юля не смогла присоединиться к ним, и гулять пришлось вчетвером – Матильду вроде как Воронцову... сватали! Когда его не было рядом, Таня нет-нет да и начинала расхваливать его качества, какой он честный и хороший, принципиальный и интересный, а Волков кивал, вставляя иногда неловкие реплики о том, как здорово, как повезло служить с таким верным товарищем и другом, как Алеша Воронцов.

Сначала Матильда разозлилась. Оказалось, что и Юля в курсе этого плана, и более того – одобряет затею.

Потом Матильда поняла – они делают это из лучших побуждений, искренне полагая, что тем самым проявляют о ней заботу.

* * *

Именно в связи с кругосветным путешествием Николая Матильда впервые в жизни стала ежедневно внимательно читать газеты – так она узнавала о передвижениях будущего Государя. Он остановился в Каире, видел пески и пирамиды. Следующая его остановка – в огромной и дикой Индии, шумном и грязном Бомбее.

В Сингапуре он видел смешные узкие лодки местных рыбаков. В Калькутте климат оказался слишком влажным и душным. Видел золотые статуи странных языческих богов, огромные, как дворцы Петергофа.

Он смотрел все те места, в которых Матильде никогда не суждено было побывать. Представлять себя рядом с ним было сложно, более или менее легко она представляла себя только на «Азове», представляла море: светлое, ясное, как глаза – какими она их запомнила при первой встрече – Николая.

Он посетил остров Цейлон. На юге острова он стоял на берегу и мог наблюдать перед собою самый край земли: южнее этой черты обитаемого мира на земле не было.

Она думала о Мировом океане – водах, объединяющих все пять океанов земли. Ездил с Юлей на Финский залив, любовалась зимним морем. Весна приходила в город поздно, совсем не чувствовалась: свинцовое небо, пронизывающие злые ветры, дующие с залива.

По воде можно было продолжить воображаемую дорожку – от самых берегов Петербурга к тем южным морям, по которым шел сейчас корабль ее Николая.

Она думала о родословной Николая, о его сестрах, обо всех его братьях, дядюшках и племянниках, племянниках. Младший брат Государя, Великий Князь Владимир Александрович, который ухаживал за Леньяни, был отцом Андрея. Получается, он приходился племянником Николаю? Она запуталась. Великий Князь Сергей Михайлович, с которым также был дружен Наследник, приходился ему, судя по всему, тоже каким-то близким родственником.

Матильда занялась рисованием. Когда она пыталась повторить образ из головы, то приходила в ярость: каракули, которые получались на бумаге, не имели никакого отношения к

тому, что видела она в воображении. Если ты что-то делаешь, надо делать это хорошо или не делать вовсе – считала она, и так было во всем.

В конце концов, она детально срисовала портрет Николая, переданный ей Наследником через Волкова. Получилось вполне сносно. Успокоенная результатом, она хотела нарисовать еще Николая на «Азове», на фоне моря, но не рискнула, боясь плачевного результата.

Николай между тем прибыл в Японию, посетил Нагасаки, смотрел фейерверк в одном из дворцов Киото. В конце апреля он находился уже в японском городе Оса. Там на него было совершено покушение – страшный удар саблей прямо по голове. Новость долетела до Петербурга молниеносно, но никаких подробностей никто не знал. Не было ясно даже состояние Наследника, и то, насколько серьезна рана. Матильда сходила с ума от беспокойства, плакала и злилась на мир, проявивший неожиданную необоснованную агрессию к ее Николаю.

Наконец они узнали радостные вести – угрозы для жизни не было, рана, страшная по своей задумке, оказалась неглубокой, просто останется шрам. Греческий королевич Георгий отреагировал на выходку свихнувшегося японского фанатика мгновенно – он защитил Николая.

Узнав об этом, Матильда испытала такое облегчение, будто речь шла о члене ее семьи – об отце или о маме. Она была не в силах сдержать эмоции и просто расплакалась. Наблюдавшая эту картину Юля долго молчала, а потом неуверенно сказала, что, конечно, лучше плакать от радости, чем от горя... Но, может быть, все-таки Матильде стоит реагировать чуть менее бурно.

Император велел незамедлительно прервать обернувшееся неприятностью путешествие: Николай отправился домой. Из самого Владивостока он на лошадях выдвинулся в Петербург, в седле через всю Сибирь. Путь занял у него практически все лето.

По возвращении он сразу посетил Петергоф и присутствовал на фактически последнем балете летнего сезона – незадолго до дня рождения Матильды. Она очень ждала их встречи, но в итоге была разочарована – они не обменялись и парой слов. Пустое лето кончилось, скоро снова должна была начаться долгая зима: Николай вместе с родителями собирался в Данию, на какое время – неизвестно. И снова обозримое будущее для нее рисовалось безрадостным, неопределенным и беспросветным.

* * *

На этот день рождения родные подготовили Матильде неожиданный сюрприз: было решено отправить ее в сопровождении крестного за границу, посетить Италию, своими глазами увидеть итальянские балеты, побывать в легендарном театре Ла-Скала. Прекрасная награда за прекрасную работу.

– Не только *он* путешествует, видишь! – обняла сестру Юля. Матильда сделала себе выговор: видимо, ее слежка за передвижениями Наследника, все ее вычитывания газет и потуги преуспеть в изобразительном искусстве не остались незамеченными для родных. А ведь это только ее проблемы. И ее печаль не должна омрачать других людей, даже близких. Особенно близких!

К тому же она стала замечать, что Юля тяготится чувством вины перед сестрой: Юля продолжала общаться с Александром Зедделером. За минувший год молодые люди сблизились, прекрасно проводили время, все более привязываясь друг к другу. Она старалась приглушать радость взаимности, боялась своей успешности на фоне переживаний сестры.

Чем старше становилась Матильда, тем лучше она осваивала науку держать свои эмоции и душевные процессы при себе, занимаясь воспитанием своей личности с двойным усердием. Это приносило свои плоды, но для лучшей своей подруги и одновременно самого близкого на земле существа – старшей сестры, она оставалась раскрытой книгой, как бы ни старалась.

Получив отпуск, Матильда вместе с крестным, тщательно продумавшим и организовавшим их путешествие, отправилась на юг Франции, они переехали из Биаррицы в Лурд, чтобы посетить величайшую святыню Франции – чудотворную Мадонну. Несколько десятилетий назад в пещере, где происходили явления Богородицы, установили ее статую. Рядом с гротом били источники с чудотворной водой. Говорили, что случаев исцеления насчитывалось множество. Планировалось также выстроить над пещерой целую базилику.

Оказавшись перед святыней, Матильда хотела загадать желание – чтобы Николай тоже ее полюбил, как и влюбилась в него она.

Но, глядя на снежные вершины величественных Пиренеев, на высокое, чистое небо, губы ее решительно сомкнулись. То великое торжество разума над вселенной, примером коему было искусство – вот что являло Матильде истинный пример чуда этого мира.

«Я выбрала его. Меня вела не мистическая судьба, не рок, не распределены за нас наши роли! Мы сами строим себя и свою жизнь, не ведомы мы по ней как безвольные слепые котята... Если он полюбит меня, значит меня есть за что любить. Только так! Только так будет правильно, и будет честно...»

Из Лурда они отправились в Рим, но в столице не задержались – Матильда стремилась в Милан, в истинную святыню ее жизни на сцене – театр Ла-Скала.

Возвращались они снова через Францию, задержавшись на некоторое время уже во французской столице – у крестного Матильды, владельца большого и знаменитого магазина белья, были там рабочие дела.

* * *

Воронцов был странным. Матильда пыталась понять, что же в нем есть такое, может быть, неявное, что делает его таким неприятным. Симпатичной внешности, высокий, серьезный. Тихий, но при этом решительный – как он мог вызывать в людях такие смешанные чувства? В нем явственно ощущалась сила. Но, может быть, эта сила и отталкивала? Потому что естество этой силы было каким-то нездоровым, неправильным. Так просто сильный человек, обладающий крепкими руками и отменным здоровьем, может, к примеру, совершать всякие физические подвиги и не хворать при этом. А есть такой вид силы, когда ты можешь сотворить нечто никак непостижимое и невозможное – но сделать это на таком надрыве, приложив такие нечеловеческие усилия, что после этого сразу рассыплешься в прах. Сгоришь – и не останется ничего. Вот какой была заключенная в юном гусаре Воронцове сила.

Жажда, читавшаяся во всех его резких движениях, в его напряженном управлении собственным телом, тоже имела свойство какой-то отчаянной болезненности. Вот это, наверное, в нем и пугает – решила Матильда.

Время от времени они виделись, довольно редко, и всегда эти встречи происходили внешне будто бы сами собой, но проходили с таким беспокойным напряжением, что поверить в их случайность не было никакой возможности. Воронцов всегда вел себя скованно и нервно, много молчал, и молчание его было густым и напряженным. Мог, волнуясь, выдать вдруг какую-либо невнятную реплику, и голос его при этом чаще всего звучал так хрипло, что ему приходилось останавливаться на полувдохе и прочищать горло. Будто бы его молчание имело обыкновение длиться так долго, что он отвыкал говорить.

Потом произошел инцидент, который окончательно настроил Матильду враждебно по отношению к Воронцову. Матильда как раз тогда вернулась из Франции, сезон еще не начался, Юлия вот-вот должна была вернуться из Красси с родителями, и Матильде решительно было нечем заняться. Потому она даже обрадовалась компании Воронцова, вызвавшегося сопровож-

дать ее во время прогулки по городу. Но чего Матильда совершенно не ожидала, так это того, что Воронцов целенаправленно поведет ее в дом своей матушки. Более того, мать Воронцова, увидев Матильду, испытала не меньшее удивление. И даже прислуга растерялась, наблюдая эту неловкую ситуацию.

Воронцов же оставался таким же замкнутым и неразговорчивым, как и всегда, разве что нервничал заметно больше обычного, показывая ничего не понимающей Матильде свой дом. Потом он распорядился накрыть на стол и, обращаясь к своей пожилой матери «маменька», попросил у нее благославения на брак с Матильдой.

Вдова театрально кричала, хваталась за сердце и требовала позвать ей доктора. Воронцов, покраснев до корней волос, призывал матушку взять себя в руки и сдерживать чувства, маниакально повторяя, что в присутствии Матильды не потерпит истерик.

На крик во двор сбежались соседи. Матильда поспешила ретироваться, но воспоминания о грязном, заваленном самыми разнообразными предметами доме, перепуганной прислуге и жуткой матери Воронцова еще долго стояли у нее перед глазами.

С тех пор она не видела его очень долгое время.

* * *

Когда же Николай наконец вернулся в Россию, и казалось бы, преград между ними более не существовало – на этом идиотском шуточном соревновании в корпусе Его Величества, все пошло совершенно неправильно, не так, как хотела бы Матильда.

И идиот Воронцов. Он всегда вызывал у Матильды неприятие, но думать о том, что сейчас он, скорее всего, уже убит – его ведь обвинили в покушении на Наследника во время инцидента на ипподроме, было слишком страшно.

Как хрупка человеческая жизнь, и как много на человеке лежит ответственности: за каждый свой шаг, и более всего перед самим собой, а не перед миром.

Глава 6. На расстоянии вытянутой руки

Дверь в уборную Матильды отворилась, и на пороге показались две огромные серебряные корзины роз. Лица несущего цветы разглядеть было невозможно, только руки и лацканы военной формы. Казак сделал шаг в комнату и поставил корзины к ногам Матильды, после чего поклонился и снова шагнул, теперь в сторону ширмы. Вслед за ним в уборную вошел Николай.

– Прошу прощения за вторжение, excuse-moi ma petite, – начал он, но Матильда вскочила и замахала на него руками.

– Вы с ума сошли?

– Что? Почему?

– Вы являетесь сюда, как, как... Это все из-за вас! Мало вам, что меня считают вашей любовницей?

Щеки Николая покрылись пятнами румянца, он смутился, вместе с тем по лицу поползла лукавая улыбка.

– Ничего смешного. Вы, видимо, воображаете, какая честь для меня иметь такой статус. Однако выходит, что карьеру свою и место на сцене я, *как некоторые*, оплатила телом.

Уголки губ Николая поползли вниз.

– Прошу меня извинить, Матильда Феликсовна. Я понимаю, я не подумал.

Матильда продолжала стоять напротив Николая, не делая попыток прогнать его.

– Могу заметить, что визит мой, кажется, остался незамеченным. Я шел по закулисы совершенно бесшумно.

Матильда смотрела на него снизу вверх, чуть подняв голову – она была такая миниатюрная, что едва доходила Николаю до плеча. Взгляд ее оттаял, она смотрела уже не так сурово.

На самом же деле в тот момент внутри нее все ликовало, и Матильде стоило немалых усилий, чтобы сдержаться и не повиснуть на шее у Николая, или не закружиться с ним по комнате, испытывая облегчение и почти детский непосредственный восторг.

– Все эти декорации, реквизиты... Вы, Матильда Феликсовна, должно быть, проживаете тысячи жизней, столько судеб ваших героинь... – заметил он.

Он попал точно в цель – лицо Матильды озарилось, она улыбнулась.

– Вы меня раскусили. Вот он, мой план – успеть прожить как можно больше жизней.

– Вы – лучшая! Я хочу сказать, вы танцуете. Танцуете лучше всех.

– Лучшая не я, а Леньяни.

Как бы она ни презирала Пьерину, и как бы снисходительно ни относилась к вынужденной лжи, Матильда в то же время высоко ценила честность и непредвзятость.

– Да, лучшая. Почти как Вирджиния Цукки, – вспомнив о Цукки, Матильда тепло улыбнулась... – Она, как и Вирджиния, может крутить тридцать два фуэте...

– Крутить?

– Способна исполнить.

– Фуэте?

Николай попытался изобразить нечто, отдаленно напоминающее фуэте. Вышло презабавно.

– Не так! – засмеялась Матильда.

Николай продолжал вращаться, рискуя налететь на мебель и туалетный столик, вешалки с костюмами, опрокинуть грим и подаренные букеты.

Матильда не выдержала и легко подхватила ногу Николая, сию же секунду задать ему нужное направление. Они хохотали уже оба, продолжая дурачиться и ничуть не обращая внимания на застывшего подле ширмы казака. Наконец, Матильда разжала руки, и Николай, потеряв

равновесие, повалился на пол, продолжая смеяться. Она протянула ему руку, он поднялся и оказался так же близко к ее лицу, как тем летним днем в царской палатке.

– Мы придумаем вам титул, – прошептал он глядя Матильде в глаза. Она резко отшатнулась, накинула на плечи шаль.

– Чтобы вы знали, я праправнучка княгини Красинской. У меня права на польский престол. Ваше Высочество...

– Ники.

– Что?

– Зовите меня Ники. Так меня называют близкие.

Казак у ширмы нерешительно кашлянул. Николай спохватился.

– Надеюсь, наша следующая встреча состоится как можно скорее, Матильда Феликсовна. Он поклонился. Матильда смотрела чопорно и забавно. Видимо, в ней разыгралась кровь наследницы польского престола.

– Никол... Ники. Что случилось с Воронцовым?

– Я его помиловал.

* * *

Матильда ненавидела больницы, но глаз болел просто ужасно, нудящей дергающей болью, причем непрерывной. Ночью – болел прямо до слез. Фурункул вскочил аккурат над левым глазом и несколько дней подряд не давал ей покоя. Да, больно, но не настолько, чтобы идти к доктору и терпеть «больничный дух». Кухарка советовала сомнительные средства народной медицины. Мама настаивала на походе к врачу. Матильда настаивала на том, что все равно поедет кататься, и какой-то там фурункул ей не помеха. Последнее время она ездила кататься почти каждый вечер – в одиночной карете с русским кучером. Сначала – потому, что, проезжая по набережной, надеялась встретить Николая: она узнала, он любил подобные прогулки. С тех пор, как он зашел к ней после премьеры, они виделись только мельком. Проехать мимо, оказаться хотя бы на миг на расстоянии вытянутой руки – она рисовала в своем воображении эту встречу, и какое-то время это ее развлекало и утешало.

Потом постепенно Матильде стала открываться нелицеприятная реальность – их отношения, если они вообще были, развивались крайне медленно. И вяло. В свои годы, не имея опыта отношений с противоположным полом, Матильда тем не менее твердо знала одно: если мужчина хочет видеть женщину – он увидит, найдет способ. Тяжело было признать себе, что Николай, очевидно, подобного стремления не имел.

Волна радостного возбуждения и эйфории прошла, Матильда волей-неволей начала сомневаться в том, что Николаю она интересна так же, как он – ей. Думать об этом было нелегко. Она даже поймала себя на мысли, что в этом порыве выглядит смешно даже в своих глазах, не то что перед другими.

Может быть, она была неправа, может, неправильно повела себя, оказавшись в царской палатке во время гуляний в полку. Может, нужно равняться на прочих знакомых ей артисток: быть доступной, знающей себе цену, на все согласной? От одной этой мысли становилось тошно.

Остаться наедине с самою собой возможно было теперь только во время ежевечерних выездов-прогулок. Она не смотрела по сторонам и часто не замечала, мимо чего именно они проезжают. Матильда уходила в себя настолько, что забывала окружающий мир, и чувствовала только ветер – суровый северный ветер, дыхание свинцовой Невы, острый ветер от быстрой езды в одиночке.

Так что вместо похода в больницу, Матильда отправилась на очередную такую прогулку, закрыв нарывающий глаз повязкой. Ее здоровью на пользу это явно не пошло, и на следующий

день она все-таки оказалась у доктора, который провел ей маленькую операцию, вскрыв воспалившийся нарыв.

В тот вечер Матильда находилась в преотвратном расположении духа. Помимо глаза, у нее разболелся нос, а за ним и голова. Чтобы успокоиться, Матильда решила лечь и поплакать, тем более дома никого, кроме прислуги не было – Юля с родителями отправились в гости. А настолько очевидно демонстрировать свою слабость при родных она не могла. Времени на порыв жалости к себе у нее было немного – родные должны были вернуться к полуночи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.